

Когда погаснет свет

Егор Конюшенко

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Егор Конюшенко
Когда погаснет свет

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Когда погаснет свет / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

«Когда погаснет свет — начнётся кошмар...»Таков девиз данной книги. И здесь я собрал в одну кучу все свои старые хоррор-рассказы, которые опубликовал на других площадках, но ещё не опубликовал отдельно на Литрес.

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Её голос в моей голове	5
Ночные тени стройки	11
Никто не выйдет живым	19
Тот, кто стоит за окном	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Когда погаснет свет

Её голос в моей голове

Лесовка — уютный посёлок, погружённый в зелёные объятия лесов и окружённый величественными горами. Для многих он становится тихим убежищем, где время замирает, а шёпот природы звучит громче и мелодичнее, чем ритм суетной городской жизни. Для меня он оказался последней надеждой. Я — Алексей Морозов, писатель, оставивший позади шум мегаполиса в поисках тишины и вдохновения. Страстно желая завершить новый роман и вновь обрести утраченный внутренний голос среди этих бескрайних просторов, я надеялся оставить в прошлом все свои неудачи. Но вскоре тишина, которая поначалу казалась благословением, стала невыносимой. Я столкнулся с чем-то куда более тревожным, чем гул городской суеты.

Я медленно бродил по узким улицам Лесовки, наполняя лёгкие свежим, пахнущим соснами воздухом. Это было подлинное благословение. Каждый вдох приносил с собой ароматы влажной земли, недавно омытой дождём. Мой дом — старая деревянная избушка — стоял на краю посёлка, укрытый под сенью высоких деревьев, словно сама природа обнимала меня своим зелёным покрывалом. Здесь, вдали от городского шума, у меня появилась возможность размышлять, писать и оставить позади всё, что терзало меня прежде.

Сначала уединение дарило покой, но со временем тишина, некогда вдохновляющая, начала разъедать меня изнутри. Я стал замечать настойчивый шёпот, проникающий в сознание, как треск ломкой ветки под ногами.

— Загляни в подвал, — звучал голос, как зловещий приказ, от которого невозможно было отвернуться.

Я изо всех сил старался отмахнуться от этой мысли, списывая всё на усталость и переутомление, но с каждым вечером шёпот становился всё настойчивее.

Во снах начали появляться образы: девушка с печальными, полными страха глазами. Я не знал её имени, но её тень неотступно преследовала мои мысли, тревожа совесть. Сны становились всё более навязчивыми и пугающими. Я видел, как её насильно уводят в темноту, как она страдает, как испытывает невыносимую боль. Каждый раз я просыпался в холодном поту — с сердцем, бешено колотящимся в груди, и с шёпотом, всё ещё звучащим в голове, словно он был частью меня самого.

Я пытался сосредоточиться на романе, надеялся, что Муза вернётся, но мысли о девушке вновь и вновь разрывали мой внутренний мир. Я не знал, где её искать, но чувствовал — она в беде. Её страдания возвращались ко мне, как наваждение, как картина, которую невозможно забыть.

Каждый раз, когда я вспоминал подвал соседей — пожилой пары, Василия и Нины Сергеевых, — во мне поднималось странное предчувствие. Голос, побуждение, интуиция — это было нечто большее, чем просто игра разума.

Каждое утро начиналось с ощущением тревоги, как будто сама природа пыталась меня предупредить. Лесовка, казавшаяся когда-то идеальным убежищем, всё больше превращалась в пространство неразгаданного ужаса. Я осознавал: за этой тишиной может скрываться нечто по-настоящему злое. И мне предстоит встретиться с ним лицом к лицу.

Прошло некоторое время, и я, наконец, решил действовать. Утро медленно пробуждало меня от очередного ночного кошмара, и первые лучи солнца рассеивали темноту. Я вышел

на улицу и почувствовал холодный ветер, который, казалось, приносил с собой шёпот тревоги и беспокойства, снова охвативших моё сознание. Я понимал: необходимо что-то предпринять, и единственным способом получить ответы было знакомство с соседями — Василием и Ниной Сергеевыми.

Я направился к их дому, находившемуся всего в нескольких десятках метров от моего. На первый взгляд — обыкновенный дом: невысокий, с покосившейся крышей и огородом, пестревшим цветами. Его неприметность немного успокаивала, но голос в голове всё ещё настойчиво подталкивал меня к действию.

Переходя по лужайке, я заметил Нину — невысокую женщину со светлыми волосами и добрыми глазами, трудившуюся в огороде. Рядом был Василий — высокий и крепкий мужчина с измождённым лицом. Они казались неотъемлемой частью этой земли, как деревья, окружавшие их. Солнечные лучи освещали их лица, и при взгляде на них возникало странное чувство покоя.

— Доброе утро! — крикнул я, стараясь выглядеть дружелюбнее, чем чувствовал себя на самом деле.

Нина обернулась и улыбнулась:

— Доброе утро! Вы, должно быть, новенький в Лесовке? — с любопытством спросила она.

Я кивнул. В голове бушевали мысли, но я пытался сохранять спокойствие.

— Я Алексей. Писатель. Переехал сюда в поисках вдохновения, — ответил я, надеясь, что это вызовет интерес.

Василий, остановившись рядом, прищурился и внимательно посмотрел на меня.

— Писатель? Надеюсь, вы не из тех, кто пишет на коленке ради заработка, — произнёс он с лёгкой усмешкой. — Здесь, боюсь, может не хватить "вдохновения" для таких шедевров.

Я молчал, вглядываясь в их лица и жесты, будто пытался отыскать в них улики, подтверждающие мои тревожные подозрения. В голове снова зазвучал настойчивый шёпот: «Загляни в подвал...» Я начинал понимать, откуда растёт тревога.

Разговор продолжился, и вскоре я узнал об их жизни — простых радостях и повседневных заботах. Их быт казался незамысловатым, но внутренний голос всё равно шептал, намекая на нечто большее, скрытое за обыденностью.

— Если вам когда-нибудь понадобится помощь или просто захочется поговорить — приходите, — предложила Нина. Но в её голосе прозвучала едва заметная настороженность.

Я поблагодарил их и, попрощавшись, вернулся к своему дому. В голове царил смятение. Я хотел видеть в Сергеевах добрых соседей, но шёпот продолжал будоражить мысли. Что же может скрываться в их подвале?

Этой ночью я снова не смог уснуть. Иногда меня отвлекали мысли о работе, всплывающие образы, но заботы о Сергеевах и их подвале заполняли каждую свободную минуту. Тревога нарастала, сжимая мой разум в тиски. Я начинал догадываться о присутствии чего-то зловещего.

Позже, в тишине ночи, я осознал: чтобы справиться с этим внутренним беспокойством, мне нужно разгадать загадку, связывающую меня с Сергеевыми. Я больше не мог игнорировать голос в голове. Он звал меня к поиску — и я не имел права уклониться от этого зова, даже если он вёл к опасным последствиям.

Дни в Лесовке сливались в однообразие, но в моём сознании бушевала настоящая буря. Я решил наблюдать за Сергеевыми, надеясь, что их повседневные привычки приоткроют завесу

тайны, не дававшей мне покоя. Часы, проведённые у окна, напоминали чтение увлекательного романа — правда, сюжет этого романа был ближе к зловещей сказке.

По утрам они выходили из дома, и я ловил момент, когда Нина отправлялась в магазин, а Василий погружался в заботы об огороде. Я наблюдал, как они пересекают двор, где под солнечными лучами стелились тонкие травы и прутики. Эти, казалось бы, ничем не примечательные моменты заставляли моё сердце биться чаще, словно оно чувствовало: за этой обыденностью скрывается нечто большее.

С каждым днём шёпот в голове становился всё настойчивее. «Загляни в подвал», — звучало как заклинание, от которого невозможно было избавиться. Порой мне казалось, что этот голос принадлежит девушке из моих снов — той самой, чьи полные страха, печальные глаза терзали меня каждую ночь. Она пряталась в пугающей темноте, её крики разрывали тишину, а я снова и снова безуспешно пытался её спасти. Эти образы преследовали меня даже за письменным столом, когда я пытался сосредоточиться на написании своего романа.

Я стремился углубиться в творчество, но мысли о Сергеевах и их подвале постоянно отвлекали. С каждым днём всё яснее становилось: наблюдения недостаточно — мне нужно узнать, что скрывается за той дверью. Я чувствовал, что это единственный способ избавиться от гнетущей тревоги, преследовавшей меня.

Собравшись с мыслями, я начал запоминать маршруты Сергеевых, изучая, какими путями они ходят и насколько строго придерживаются своей рутины. Однажды вечером, когда солнце окрашивало горизонт в золотистые тона, я заметил, как Нина вышла из дома с пакетом в руках. Я терпеливо дождался, пока она не скрылась за углом, и, глубоко вдохнув, направился к их дому.

Я обошёл вокруг, сжимая в руках записную книжку, в которую заносил каждую мелочь, связанную с ними. Спрятавшись за кустами, я вдруг заметил, как за дверью подвала мелькнула тень. Сердце ускорило ход. Затаив дыхание, я не отрывал взгляда от двери.

Вскоре внутри послышались голоса — спокойные, будничные разговоры. И всё же в этих голосах ощущалась неясная тревога, тяготившая меня. Я жаждал узнать правду, но не решался пойти дальше.

Ночь вновь опустилась на Лесовку, погружая её в атмосферу тайны и невидимого страха. Тёмные образы не оставляли меня даже во сне. Я снова увидел ту девушку — незнакомку с глазами, полными отчаяния, стучащую в запертую дверь. Я слышал её безмолвный призыв. Она ждала, пока я наконец загляну в подвал.

С каждым днём моя одержимость Сергеевыми усиливалась. Я отчаянно перебирал в уме возможные способы проникнуть внутрь — лишь бы покончить с этим мучительным шёпотом, который не отпускал. Наконец, когда план в моей голове оформился, стало совершенно ясно: пришло время взять судьбу в свои руки и столкнуться с реальностью, от которой я так долго упрямо отворачивался.

Среди тишины, окутывающей Лесовку, витало предчувствие чего-то ужасного. Сергеевы уехали, и, как только их машина исчезла за поворотом, моё сердце забилося быстрее. Это был мой шанс — я должен был узнать правду о подвале. Боязливый инстинкт удерживал меня, но настойчивый шёпот в голове звучал так убедительно, что я больше не мог сопротивляться.

Я быстро направился к сараю, где среди старого хлама нашёл лопату. Сжимая её в руках, почувствовал, как внутри крепнет решимость. Подходя к дому соседей, я оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что никто не наблюдает.

Когда я подошёл к окну, увидел, что оно было наглухо заколочено. Но это не могло меня остановить. Холодный ветер бил в лицо, пока я наносил удары лопатой, стараясь пробить стекло. Удар за ударом — и вскоре по стеклу побежали трещины. С глухим звуком оно осыпалось вниз. Я аккуратно убрал обломки, перепрыгнул через подоконник — и оказался внутри.

В доме стояла мёртвая тишина. Казалось, что сам дом настороженно наблюдает за мной. Напряжение нарастало, но шёпот в голове подгонял меня вперёд. Я прошёл через коридор и достиг кухни. За кухонной дверью находилось то, ради чего я пришёл — таинственный подвал.

Как только я спустился вниз, густая тьма подвала накрыла меня с головой. Я включил фонарик на телефоне. Судорожно озираясь, двинулся вглубь, но, к моему разочарованию, подвал оказался пуст. Только грубые доски стен и шкафы с закатками. Ни малейшего намёка на то, что я искал. Но голос в голове снова дал о себе знать.

— Вырой яму, — требовал он с нарастающей настойчивостью.

Я посмотрел на пол, сжал лопату — и принял решение. Начал копать. С каждым ударом по земле тревога усиливалась. Прошло несколько минут, и вдруг лопата наткнулась на что-то твёрдое. Я отбросил землю в стороны. Медленно, отрывая комки земли, наконец увидел то, что скрывалось на дне — кости.

Сердце бешено заколотилось. Я понял: это может быть тело той самой незнакомки из моих снов. Я застыл. Холодный пот выступил на лбу. И вдруг — шум двигателя. Кто-то подъехал к дому.

В панике я выскочил из подвала. Стараясь не шуметь, выглянул наружу. У забора стояли четверо: двое пожилых соседей, которых я знал, и двое незнакомцев — высокие, широкоплечие, с суровыми лицами. Леденящее осознание подкралось ко мне: это были они. Те, кто мучил девушку в моих снах.

Внутри всё сжалось. Если я в их доме — значит, я в опасности. Я спрятался в шкафу, затаившись в темноте, не издавая ни звука. Каждый миг тянулся бесконечно. Я знал: вскоре случится нечто страшное. Впереди — борьба за жизнь. Шанс расплатиться с теми, кто нарушил покой той девушки. Девушки, чью трагедию я видел во сне.

Я крепко сжал лопату. Если они войдут — я буду готов. Страх и решимость слились воедино, пока я ждал своего момента.

Когда дверь открылась, в дом вошёл один из высоких мужчин — тот, кто пугал меня больше всех. Я замер в укрытии, затаив дыхание. Он медленно прошёл мимо шкафа, в котором я прятался, и направился на кухню, потянувшись к выключателю. Яркий, резкий свет ударил ему в глаза, и я на миг оцепенел.

Сердце бешено колотилось, ноги подкашивались от страха, но внутренний голос подгонял меня: «Сейчас!» — прозвучало в сознании, толкая к действию. Я выскочил из шкафа — лопата с глухим ударом встретилась с его головой. Он рухнул, не успев даже вскрикнуть. Кровь хлынула из раны, и лезвие лопаты окрасилось алой полосой. Я застыл, пытаясь перевести дыхание, но адреналин кипел в венах, нашептывая: «Двигайся».

Из коридора донёсся шум — второй мужчина вбежал на кухню и, увидев товарища, лежащего в луже крови, оцепенел от ужаса. Я мгновенно воспользовался его замешательством, бросился к дверному проёму и нанёс удар. Он рухнул, так и не поняв, что произошло. Я тяжело дышал, глядя на два окровавленных тела. Пятна крови теперь были и на моей одежде.

Секунды растянулись в вечность. Вдруг я вспомнил о соседях — стариках, которые могли уже вызвать полицию. Я стремглав вернулся в спальню. Нина, с ужасом в глазах, смотрела на меня. Я ощутил укол вины — но сейчас не было времени на чувства.

— Беги и зови полицию! — закричал Василий, встав передо мной, заслоняя собой выход. В его глазах — решимость защитить жену, но я знал: уже слишком поздно.

Вместо того чтобы отступить, он бросился на меня с кулаками. Я, полный страха и ненависти, не раздумывая ударил снова. Сила во мне возросла, когда я увидел, как он падает.

Нина попыталась вырваться, но, оступившись, вскрикнула в панике. Я поддался инстинкту — бросился к ней. Наши взгляды пересеклись, и на миг всё остановилось: её страх и моя ярость слились в одно.

Я не мог позволить ей уйти. Преградив путь, я ударил — и она рухнула на пол. Мир застыл. Лишь сгущающаяся тьма напоминала о содеянном.

Соседи лежали без сознания в собственной крови. Тишина оглушала. У меня не было времени. Я выскочил из дома и не оглянулся. Не мог.

Добежав до своего дома, я судорожно собрал всё необходимое: паспорт, деньги, еду — всё, что могло пригодиться, всё, что связывало с прежней жизнью. Сердце билось в панике, адреналин не отпускал. Переодевшись, я выскочил на улицу.

Я знал: это единственный шанс покинуть Лесовку. Запрыгнув в машину, я вставил ключ в замок зажигания, заставляя себя ехать — не зная, куда, не думая, зачем. Главное — прочь. Прочь от этого кошмара, от того, кем я стал.

Ветер свистел в ушах, когда я мчался по пустым улицам, оставляя позади не только тела, но и мысли, что гнались за мной. Я понимал: пути назад нет. И это чувство — не свободы, а ужаса — сковывало. Ужаса перед тем, что я теперь нёс с собой. Перед собой настоящим.

Когда я, наконец, выбрался из Лесовки, сердце бешено колотилось, а вены пульсировали от адреналина. Одна мысль не покидала моего сознания: я только что стал убийцей. Груз этого осознания давил, словно горы, окружающие мрачный посёлок. Я бежал из того места, где всё началось, но чувство вины тянуло за собой, как неподъёмная ноша.

Оставив машину в поле, я направился вглубь леса. Ветки шуршали под ногами, а тишина вокруг казалась зловещей. Я понимал, что не могу остаться здесь и надеяться, будто кошмары исчезнут сами собой. Выйдя на обочину дороги, я увидел лишь пустоту — однообразная асфальтированная лента тянулась в обе стороны. Я был один, потерянный в этом безлюдном месте, а мысли о том, как избавиться от преследующего чувства вины, не давали покоя.

Каждая проезжающая машина заставляла меня вздрагивать. Я чувствовал себя зомби в мире живых — правонарушителем, который больше не сможет вернуться к обычной жизни. Люди в салонах казались беззаботными, но внутри меня бушевал шторм. Я вспоминал её: крики, страх в глазах, момент, когда я был беспомощен и не смог помочь.

Шагая вдоль обочины, я снова и снова прокручивал в голове события того дня. Пытался убедить себя, что всё это — просто кошмар, из которого вот-вот проснусь. Но стоило лишь закрыть глаза, как голос незнакомки вновь шептал: «Помоги мне. Убери меня из этой тьмы». Между нами тянулась невидимая цепь, и, как бы я ни убегал, понимал: уйти насовсем не смогу.

Когда впереди показался силуэт автомобиля, я замер. Машина остановилась, и из неё вышел мужчина с добрым, но тревожным выражением лица.

— Привет! Нужна помощь? — спросил он. Я кивнул, собравшись с мыслями.

— Да, мне нужно добраться до ближайшего мотеля, — ответил я, стараясь говорить ровно, несмотря на дрожь в голосе.

— Могу подвезти. За небольшую плату, конечно, — сказал он. Я почувствовал, что этот человек, Игорь, действительно хотел помочь.

Сев в машину, я молчал, сжимая руки на коленях. Он пытался разговорить меня — спрашивал, откуда я, как давно здесь, — но я лишь кивал или односложно отвечал, погружённый в мысли.

Когда мы прибыли к мотелю, Игорь остановился и обернулся ко мне.

— Вот мы и на месте, — сказал он с тревогой в голосе.

Я расплатился, поблагодарил и остался стоять у входа. На мгновение замер, думая о том, как мне теперь жить. Огни мотеля мерцали в темноте, но в душе царила бездна — чёрная, тяжёлая, полная вины и страха.

Я вошёл внутрь, погружённый в раздумья о произошедшем. Персонал встретил меня любопытными взглядами, от которых я смутился, словно был здесь чужим. Заплатив за номер, я поднялся на второй этаж, ненавидя себя за то, что ввязался в это жуткое путешествие.

Открыв дверь, я выдохнул, словно скидывая с плеч груз. Серые стены впитывали усталость и страх, а в углу тихо мигал роутер. Тогда я осознал: у меня есть интернет. Это был шанс — возможность выговориться и быть услышанным.

Не раздумывая, я сел на кровать, открыл на телефоне форум, где люди делились страшными историями, и начал писать. Пальцы сами стучали по экрану, словно знали, что сказать. Во мне бушевала буря, и всё, что могло вырваться наружу, катилось по страницам в виде слов — неуклюжих, но искренних.

Так я написал всё, что вы читаете сейчас.

Той ночью, заполнив экран словами, я понял: поделившись этой историей, я не просто ищу понимания — я прощаюсь. Я не мог вынести последствий — я убил не только четверых людей, но и себя. Жизнь, которую я знал, закончилась в тот момент, когда я уничтожил обидчиков той незнакомки.

Я знал: скоро выйду на террасу, где и окончу свою жизнь. Сердце сжималось от страха, но мысль об окончании казалась почти утешительной. Я не мог представить, что когда-либо снова стану «нормальным». И не хотел молчать о своей тьме.

Мысли сгущались, как тучи перед грозой. Я нажал «Опубликовать», понимая — это не просто слова. Это мой последний путь. Гнев, стыд, страх и боль — всё выплеснулось наружу, и на их месте начало прорастать странное чувство лёгкости.

Но что дальше? Мысли о финале моего рассказа кружились в голове. Голос незнакомки продолжал шептать: «Помоги мне». Тогда я понял: покидая этот мир, я оставляю и её. Но что ещё мне оставалось?

Я взглянул на экран. Выбор был сделан. С каждым мгновением я приближался к финалу. Я уходил — и забирал с собой всё, что когда-либо любил и терял. Закрыв глаза, я собрал в памяти её образ, как свет в конце тоннеля.

Последние слова стали моим прощанием. Моим освобождением.

И, наконец, я нажал «Отправить». Тишина загустела вокруг, и я понял: это был мой последний шаг.

Ночные тени стройки

Иногда мне кажется, что всё это просто приснилось.

Что я, как обычно, задремал в своей будке — уставший, отрешённый, под глухое бормотание старого радио. И всё, что случилось потом, — лишь сон. Плод тревог и одиночества, выдумка измученного сознания, пытавшегося вырваться из серой рутины.

Но потом я просыпаюсь — и в груди что-то стучит.

Тяжёлое, липкое чувство, как ржавый гвоздь, вбитый слишком глубоко.

Слышу шорох за тонкой стенкой. Замечаю, как кто-то медленно проходит мимо подъезда.

И понимаю: это было.

Не знаю, зачем пишу всё это. Наверное, чтобы убедить себя, что я ещё человек.

Что способен говорить. Способен вспоминать — и не сойти с ума.

Это не рассказ о героизме.

Не о борьбе света и тьмы.

Даже не о выживании — не в том смысле, к которому мы привыкли.

Это просто история охранника, который однажды увидел слишком многое.

Если дочитаешь до конца — возможно, поймёшь, почему теперь я закрываю дверь на два замка.

И почему больше никогда не подойду близко к стройке.

Особенно ночью.

Ночь выдалась тихой — настолько, что казалось, сама стройка уснула вместе с городом. Где-то вдали лениво гудела машина, глухо, будто звук шёл из-под земли. Я провёл лучом фонарика вдоль забора — всё, как всегда. Металлические секции скрипнули на ветру, отражая тусклый свет. В небе висела бледная луна — словно старая, потёртая монета. Проекторы, расставленные по периметру, выхватывали из темноты ржавые остовы кранов и бетонные блоки. Всё застыло, как кадр на выцветшей фотографии.

Я зевнул и потянулся, ощущая, как неприятно хрустнули затёкшие суставы после нескольких часов сидения.

Рутинный обход — дело нехитрое: пройтись по кругу, заглянуть за вагончики, проверить, не пролез ли кто через дыру в заборе, — и обратно в будку. Чай из термоса, тиканье часов, слабый голос радио — всё по привычке.

Иногда мне казалось, что я сам уже часть этой стройки: такой же забытый, пыльный, ненужный.

Я шёл мимо каркаса будущего дома, когда фонарик выхватил движение. Что-то мелькнуло в темноте — резкое, чужое.

Я замер. Прислушался. Сначала подумал — показалось. Но потом услышал глухой стук. Ритмичный, тяжёлый — как будто кто-то копал землю.

Я медленно направил свет в ту сторону.

Мужчины. Пятеро. В строительной форме, но лица скрыты капюшонами. Они стояли у ямы, глубокой, тёмной. Один отступил, вытер лоб. Двое других подтащили к краю большой мешок. Он выглядел... странно. Как будто внутри было что-то тяжёлое. И мягкое.

Они переглянулись — и сбросили мешок вниз.

Глухой удар.

Я невольно отступил, чуть не уронив фонарик. Сердце бухнуло так громко, что я испугался — вдруг услышат? Воздух стал липким, вязким, словно кисель.

Что это было? Мусор? Почему ночью? Почему так тихо?
И почему мне так страшно?

Я прижался к стенке вагончика, прячась в тени, не смея пошевелиться. Рука нащупала в кармане телефон, но пальцы дрожали. Позвонить? Кому? Что сказать?

«Я видел что-то странное»?

А если это просто рабочие? Ночная смена, нанятая в обход графика? Если я устрою шум — а они ни при чём?

Но мысли в голове уже собирались в острые, тревожные образы: яма, мешки, пятеро молчаливых мужчин. Ни разговоров, ни перекура, ни фонарей — будто всё рассчитано на то, чтобы остаться незамеченными.

По спине пробежал холодок.

Я хотел уйти. Вернуться в будку, запереть дверь, сделать вид, что ничего не было.

Но ноги не слушались.

Я стоял, будто врос в землю, и смотрел, как они сбрасывают второй мешок.

Колени подкосились, я осторожно присел, стараясь дышать как можно тише.

В груди разливалась тревога — густая, липкая, перемешанная с глупым, почти детским любопытством.

Что, чёрт возьми, они делают?

И должен ли я что-то предпринять?

Или лучше молчать и дожидаться утра?

Гравий скрипнул.

Я едва не выронил фонарь, когда один из них — высокий, широкоплечий, с лицом, скрытым под капюшоном — резко повернулся в мою сторону. Лампа над его головой качнулась от ветра, и в ту же секунду я увидел его глаза.

Пустые. Без намёка на сомнение. Без искры.

— Эй! Кто там?! — голос у него был резкий, как стекло по металлу. Острые края звука вонзались в уши.

Остальные тут же замерли. Один выпрямился, медленно положил руку за пояс.

Пистолет.

— Ты кто такой? Чего подглядываешь? — шаг за шагом они приближались. — Любопытный, да?

Я застыл. Горло пересохло, будто я наглотался песка. Фонарь дрожал в руке, сердце билось где-то в ушах — гулко, сбивчиво.

— Сейчас мы с ним поговорим, — хмыкнул кто-то.

— Лучше бы тебе не знать, что ты видел, — бросил другой, уже доставая оружие. — У тебя выбор: либо в яму, либо в тишину. Решай.

Бежать.

Мозг не приказывал — он взрывался. Вопил, умолял, гнал прочь. Я сорвался с места, метнул фонарь в сторону, как приманку. Он ударился об бетон, откатился под плиту и теперь светил в небо — слепой, бесполезный.

— Он побежал! Лови его! — рявкнул кто-то. И сразу же — хлопок.

Пуля с визгом ударила в металлическую балку справа от меня.

Я нырнул за кучу стройматериалов.

Адреналин вспыхнул, разлился по телу, всё внутри сжалось — будто сама плоть поняла: или сейчас, или никогда.

Живой или мешок в яме.

Бежать. Не думать.

Только ноги. Только воздух — горячий, острый, как ржавый нож в рёбрах. Я перескочил поддоны, проскочил между досок, поскользнулся, грохнулся коленом, но поднялся и продолжил.

Сзади свистели пули.

Как в кино.

Только я не герой. Я охранник. Просто охранник.

За поворотом — коридор между недостроенными стенами. Я свернул, прыгнул на бетонный блок, перелез через перекладину.

Вперёд. Только вперёд.

Тени и бетон — всё, что ждёт дальше.

Но хотя бы без пуль возле уха.

Дышать становилось всё труднее. Казалось, сердце выскочит из груди и убежит первым.

Ладони в крови — где-то поцарапался. Неважно.

Главное — уцелеть.

Я не оглядывался. Не хотел видеть, насколько они близко.

Казалось, сзади тянется не погоня, а одна жуткая тень — плотная, бесформенная, убийственная.

Выход.

Забор.

Вон он. Чёрт возьми, вот он!

Я бросился к знакомой дыре в сетке, ухватился за ржавый металл, рванул и проскочил. Куртка порвалась, плечо обожгло — но я был снаружи.

Темнота за забором пахла пылью и спасением. Я бежал ещё с десятков секунд, прежде чем рухнуть за каким-то контейнером, прижавшись к холодному металлу.

Тело трясло. Грудь ходила ходуном.

Я зажал рот рукой — чтобы не заорать.

Меня хотели убить.

Настоящие люди. Настоящие пистолеты. Настоящее желание стереть меня с лица земли.

Я был в шаге от того, чтобы стать частью их тайны.

Мешком в яме.

Но я выжил.

Пока что.

Я выскочил на улицу — ледяной воздух ударил в грудь, как пощёчина, врываясь в лёгкие, будто учил дышать заново. За спиной осталась стройплощадка — чужая, тёмная, враждебная. Впереди — асфальт, фонари и равнодушные спящего района.

Луна висела высоко, как будто ей было всё равно. Где-то вдали глухо проскрипел троллейбус, щёлкнул светофор. Город продолжал жить, словно ничего не произошло.

Я добежал до машины, рванул дверь и рухнул в кресло своей старой «десятки». Сердце бешено колотилось, словно выламывало рёбра изнутри. Лоб был мокрым, руки дрожали — но я был жив. Цел. Здесь.

Повернул ключ — двигатель заурчал с привычным хрипом. Моя развалюха, мой старый друг. Сегодня — крепость на колёсах.

Я опустил лоб на руль. Только сейчас почувствовал, как устал. Тело ломило, как после марафона через пекло. И сквозь боль — дикое, почти первобытное облегчение. Меня не убили. Не прикопали. Не сделали частью той мерзости в темноте.

И тут — хлопок. Что-то ударило в стекло.

Я дёрнулся. В следующую секунду боковое стекло разлетелось на осколки.

Выстрел.

По машине.

По мне.

Они нашли меня.

Я вдавил газ в пол — мотор взвыл, колёса сорвались в визг. Машина вырвалась вперёд, зигзагами пронеслась по пустой улице.

В зеркале что-то мелькнуло — капюшон? Тень? Мне не нужно было подтверждения.

Главное — уехать. Домой.

Я мчался вслепую. Сердце грохотало в ушах, пальцы вцепились в руль мёртвой хваткой. Мир за окнами размазывался, как сон на грани кошмара. Я не помню, как доехал. Как припарковался. Как поднялся по лестнице.

Всё — на автомате.

Дверь захлопнулась за спиной — и наступила тишина. Густая, тяжёлая. Неправильная.

Квартира встретила, как всегда: тусклая лампа у дивана, монотонный гул старого холодильника, полумрак и родные стены.

Но сегодня это место не казалось безопасным.

Каждый скрип паркета — как выстрел. Каждая тень — как чужой силуэт.

Я стоял в прихожей, не раздеваясь: в потной форме, в грязных ботинках, с дыханием загнанного зверя.

Полиция. Позвонить. Немедленно.

Пальцы дрожали. Я вытащил телефон, набрал 112. Экран дрожал перед глазами. Сердце бухало в висках.

— Чёрт давай же

Сигнал. Гудок. Ещё один.

— Служба 112, оператор слушает. Чем могу помочь?

— Да здравствуйте это стройка я охранник в меня стреляли там что-то они они копали яму

— Кто? Кто "они"? Постарайтесь говорить медленно.

— Люди какие-то мужики я не знаю! Они мешки я не уверен, может, тела что-то прятали

— Где именно это произошло?

— На третьем объекте. Стройка у МКАД. Зброшенный участок Я должен был быть там один.

— Вы пострадали? Вас ранили?

— Нет не попали стреляли рядом специально — не знаю

— Можете назвать ориентир?

— Там бетонные блоки, ржавый кран, рядом вагончик. Я там каждый день. Я покажу!

Только пришлите кого-нибудь!

— Уже отправляем наряд. Не отключайтесь. Как вас зовут?

— Сергей Сергей Нестеров

— Хорошо, Сергей. Вы сейчас в безопасности? Где вы находитесь?

— Дома я добежал

— Оставайтесь внутри. Не открывайте никому, кроме полиции. Мы всё зафиксировали.

С вами свяжутся.

— Они они смотрели на меня

— Кто?

— У ямы один с пистолетом второй говорил что-то. Они видели, что я жив. Не добились.

Просто смотрели

— Вас поняли, Сергей. Всё будет хорошо. Главное — вы живы. Полиция скоро будет у вас. Держите телефон при себе.

— Я я не знаю, как это забыть
— Сейчас главное — безопасность. Остальное решим.
— Хорошо да

Связь оборвалась.

А в ушах всё ещё звенело.

Я стоял в прихожей, повторяя, словно мантру:

— Я живой. Я живой. Я живой

Будто если замолчу — исчезну. Или проснусь.

Сцена вспыхнула в памяти, как ожог:

Они стояли у ямы. Один поднял пистолет. Второй — что-то прошептал. Выстрел. Земля рядом взорвалась комьями. Я побежал. Крики. Ещё один выстрел.

Страх. Не паника, не испуг — а всепоглощающее, животное чувство.

Я сел на край дивана, сжал голову руками, вцепился пальцами в волосы.

Что теперь? Что я сделал?

Я просто охранял стройку. Просто подписался под дежурство.

Теперь — я внутри этого кошмара.

Я хотел обратно — к ночной рутине, к скуке, к бесконечным чаепитиям.

Но теперь я знал, что видел.

И знал, что они знают, что я это видел.

Сбежать не получится. Забыть — тем более.

Даже сейчас, здесь, в квартире, за шторами и светом лампы, я чувствовал: снаружи — та же стройка. Та же тьма. Те же пули.

Они уже ищут меня.

И я не знал, когда это закончится.

Если вообще закончится.

Я проснулся от настойчивых стуков в дверь.

Сначала не понял, что происходит. Будто бы вынырнул из глубокого сна в чужую, тревожную реальность. Кто-то стучал — коротко, уверенно, без колебаний. Так обычно стучат не с вестями, а с приказами.

Я зевнул, потёр глаза, тяжело поднялся с кровати и подошёл к двери. Щёлкнул замок — и передо мной предстал человек в полицейской форме.

— Вы Сергей Нестеров? — спросил он.

Я кивнул, не зная, что сказать. Он шагнул ближе, пристально посмотрел в лицо. Его взгляд был сосредоточенным и насторожённым — таким, каким смотрят, когда не исключают угрозы.

— Расскажите, что вы видели. Мы расследуем происшествие.

В голове всё ещё царил сумятица, но я попытался выстроить хронологию событий. Поведал о том, что случилось на стройке ночью: о выстрелах, о том, как спрятался за бетонными плитами, как слышал голоса — всё, как было. Полицейский слушал молча, лишь иногда кивал, словно сверяя мои слова с чем-то известным только ему.

Наконец он сказал:

— Поехали. Покажете место.

Я быстро оделся, мы вышли. Его внедорожник был старым, глухим на поворотах, но ехал уверенно. Всю дорогу он не произнёс ни слова, а я лишь сжимал ладони, пытаюсь понять: во что я влез?

Когда мы приехали, стройка выглядела спокойно — будто ночь с её ужасами была просто сном. Несколько машин, несколько полицейских, лениво обходящих периметр. Они действовали без спешки, как будто уже знали, что найдут.

Я указал, где прятался. Где мелькнула фигура. Где, как мне показалось, что-то закапывали.

Полицейские начали копать. Сначала осторожно. Потом — быстрее, торопливо, будто под ними горела земля. И вот — показались мешки. Чёрный, плотно обмотанный полиэтилен. Один за другим, как страшные свёртки с тем, чего никто не хотел видеть.

Трупы.

Молчание нависло над местом, как дым. Даже те, кто, казалось бы, видел многое, замерли на мгновение.

Один из полицейских взглянул на меня, кивнул:

— Хотите остаться? Или лучше отвезти вас обратно?

— Вернусь, — выдохнул я. Голос прозвучал тише, чем хотелось бы.

Обратная дорога тянулась дольше. Или это нервы исказили восприятие времени. Когда мы остановились, полицейский вдруг повернулся:

— Послушайте. Лучше увольняйтесь. Ради своей безопасности.

Я уже сам подумывал об этом. После увиденного не представлял, как можно вернуться туда — на стройку, где земля буквально хранила смерть. Но прежде чем успел ответить, он добавил:

— У меня такое ощущение, что ваше начальство связано с теми, кто был там ночью.

Я вышел из машины. Подошёл к двери квартиры. Рукой потянулся к ручке — и вдруг, словно удар: Почему он приехал только сейчас? Почему полиция не была на месте сразу, а дала всему этому пролежать под землёй до утра?

Мысль была настойчивой, липкой. Она не отпускала.

Что, если он знал? Что, если они все знали?

Я попытался отогнать это — не хотелось верить в худшее. Может, были другие вызовы, может, не хватало людей. Кто знает. Неважно. Главное — я выбрал: ухожу. Не буду больше частью этого.

Но всё равно... что-то внутри не давало покоя. Словно в груди поселилось чужое дыхание — тревожное, холодное, наблюдающее.

И я понял: история только начинается.

Я вошёл в его кабинет, когда решение уже было принято.

Я знал, где он будет — за тем самым столом, усыпанным папками, отчётами, документами. Всё было на своих местах, как и всегда. Этот стол давно стал символом его мира — мира порядка, точности, безошибочного расчёта. Здесь не было места вопросам. А уж тем более — сомнениям.

Я замер в дверях, не зная, с чего начать. Слова, которые хотелось бы сказать, не поддавались, словно застряли в горле.

Он сидел за столом, безмолвно перелистывая бумаги. Глаза сосредоточены, но я чувствовал — он знает, что я здесь. Знает, зачем пришёл. И всё же что-то в его поведении было не тем.

— Пришёл поговорить? — спросил он, не поднимая глаз. Будто речь шла о чём-то обычном, рутинном.

Я кивнул. Сердце грохотало в груди, как молот. Я хотел что-то сказать, но слова не находились.

— Ты ведь всё понимаешь, правда? — наконец, он взглянул на меня. Его лицо оставалось спокойным, почти безучастным. — То, что произошло. Это случайность. Пару разговоров, пара

выстрелов — бывает. Ты не должен воспринимать это так остро. Всё уляжется, как всегда. Ты же знаешь, как у нас бывает: стройка, напряжение, обстановка. Всё это — просто часть процесса.

Его голос был сух и ровен, словно он обсуждал непогоду или задержку в поставках. Мне показалось, что он вытирает грязь с подошвы — с тем же безразличием говорил о том, что сжигало меня изнутри.

— Это не случайность, — выдавил я, едва сдерживая гнев. — Ты знаешь, что произошло. Я видел. Я был там.

Он замер на мгновение. Лицо осталось прежним. Он знал, что я прав. Но этого было недостаточно, чтобы признать.

— Я понимаю, что ты взволнован, — произнёс он после паузы. — Но у нас есть свои методы. Существуют люди, которые занимаются такими делами. Не стоит загонять себя в угол из-за одной ночи. Всё можно переосмыслить, если смотреть под нужным углом.

Я не мог понять, к чему он ведёт. Но суть была ясна: он снова пытался успокоить меня. Заткнуть. Сделать вид, будто ничего не случилось.

Злость и отчаяние, которые я пытался держать в узде, вдруг прорвались наружу. Это было, как волна, захлестнувшая до макушки. Я не заметил, как произнёс вслух:

— Я хочу уволиться. Без лишних слов. Просто оформи.

Он посмотрел на меня прямо, и я уловил в его взгляде тусклый отблеск — будто он уже знал, что так всё и закончится. Знал, что я не смогу больше молчать. Но возражать не стал.

— Ты уверен? — спросил он с той же отстранённой вежливостью. Без капли сожаления. Он знал мой ответ, но вопрос был данью ритуалу.

Я кивнул. Объяснений не требовалось. Я уже всё решил. И чем скорее это закончится — тем лучше.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда завтра заберёшь трудовую. Всё будет готово.

Я развернулся и пошёл к выходу. С каждой секундой напряжение в груди отступало. Он вновь уткнулся в бумаги, словно мы просто обсудили смену графика. Не взглянул вслед. Не остановил. Всё должно было закончиться тихо. Без шума.

На пороге я обернулся. Его профиль остался неизменным — та же поза, те же жесты, тот же стол. Только теперь я знал: для меня всё изменилось.

— До свидания, — сказал я.

Он не ответил.

Я ушёл.

Дома всё оставалось по-прежнему — те же стены, тот же шкаф с перекошенной дверцей, тот же чайник с облупившейся краской. Как будто ничего не случилось. Как будто мир не перевернулся.

Я начал складывать вещи: одежду, документы, фотографию в рамке, где я ещё улыбаюсь. Тогда я ещё умел.

Обычная суета. Механическая. Руки движутся, как заведённые, голова — молчит. Почти. Почти.

Потому что каждый хлопок двери в подъезде заставлял меня замирать. Каждый голос под окнами — прислушиваться, напрягаться. Я не смотрел в окно. Не хотел. Боялся увидеть их. Или его. Или просто чьи-то глаза, которые знают.

Я начал задвигать занавески, заклеивать глазок скотчем. Чувствовал себя идиотом. Параноиком. Психом.

А потом вспомнил — выстрелы. Землю, разлетающуюся у самых ног. Их головы, что поворачивались на звук, как будто знали, что я появлюсь. Ждали.

Шорох за дверью.

Я застыл.

Тишина. Может, кот. Может, сосед.

Может, уже не важно.

Я стал оставлять свет на кухне включённым. Засыпал только с телефоном рядом. В одну ночь, кажется, проспал всего пару часов. Проснулся в холодном поту, уверенный — кто-то стоит рядом. За спиной.

Но в комнате никого не было. Только стена.

Только я.

И чей-то взгляд, будто впившийся в затылок. Он не исчезал. Ни днём, ни ночью.

Я знал: уехать — правильно.

Но куда бы я ни поехал, этот страх поедет со мной. Эти шаги за спиной. Эти мешки в яме. Эти глаза, сверлящие сквозь темноту.

Что бы я ни сделал, я уже часть чего-то чужого. Чего-то страшного.

Оно не просто произошло. Оно прилипло. Вьелось.

Я не знаю, найду ли покой в другом городе.

Не знаю, хватит ли смелости рассказать всё. По-настоящему. До конца.

Да и времени, может быть, уже не так много.

Но знаю одно:

Прошлое не отпустит.

Оно внутри.

И оно ждёт.

«С чего начать?» — я сидел перед ноутбуком, глядя в пустое окно текстового поля.

Пальцы дрожали, будто я снова сжимал в ладонях тот самый фонарь на стройке.

Курсор мигал, как слабый пульс: я жив, я здесь, я могу говорить.

Я слишком долго молчал.

Начал с простого:

«Я был ночным охранником. Всё началось с обычного обхода...»

Слова шли тяжело — не как вода, а как гравий, соскальзывающий с насыпи.

Писал, стирал, снова писал. Каждый абзац будто сдирал с меня кожу — обнажённую, трепещущую, правдивую.

Но я продолжал. Потому что должен был.

Может, кто-то прочитает — и не пойдёт туда.

Не останется один на один с безликими силуэтами в яме.

Не будет потом просыпаться от глухих выстрелов в собственной голове.

Я опубликовал пост на форуме.

Закрыл ноутбук.

И впервые за долгое время почувствовал... не свободу.

Но движение.

Внутренний сдвиг — будто лёд подо мной начал трескаться не от ужаса, а от начала весны.

И, может быть, всё это — не зря.

Никто не выйдет живым

Город встречает меня так, как всегда:
Грязью в воздухе, мерцанием лживого неона, равнодушным гулом чужих жизней.
Я иду, будто сквозь призрачный рынок, где всё давно продано: честь, сострадание,
память.
И каждый звук под подошвами кажется слишком громким — будто мир чувствует, кто я.
Шестеро.
И каждый оставил здесь свой след:
В смерти, в боли, в сломанных судьбах, о которых они давно забыли.
Я не забыл.
Под слоем асфальта и гнили скрыто место.
Моё святилище.
Моя клетка.
Моя сцена.
Бомбоубежище.
Когда-то оно должно было спасать.
Теперь оно — лишь раскрывает.
Правду. Гниль. То, что прятали даже от самих себя.
Я нашёл его.
Я вернул ему дыхание: кирпич за кирпичом, глотая пыль и ржавчину.
Внутри — лабиринт коридоров.
Старые таблички «Укрытие» облезли, буквы почти стёрлись.
И всё же они шепчут, издеваясь: укрытия нет. Никогда не было.
По углам затаились камеры — тёмные, безмолвные, будто глаза забытых мёртвых.
Я вижу ими каждый шорох.
Каждую трещину в стенах.
Каждую трещину в их лицах, когда они сюда придут.
В стенах тянутся провода.
Одни ловушки рассчитаны на страх — вспышки света, рёв сирен, холод в металлических
трубах.
Другие — на боль: скрытые шипы, ток в перилах, ложные двери, что приводят только
к отчаянию.
Я не боюсь, что они уйдут.
Сигнал здесь не ловит.
Надежда здесь не ловит.
Я сам запираю двери.
Я — их судья.
Я — их зеркало.
Я — их расплата.
И когда они войдут, каждый шаг будет говорить за них больше, чем тысяча оправданий.
Пока что — тишина.
Но уже скоро — первый из них сделает шаг в эту тьму.
И не найдёт пути обратно.

Город гудит, не замечая, как я тяну нити.
Один за другим они падают в ловушку.

Ирина.

Учительница, что отворачивалась, когда дети тонули в грязи чужих семей.

Пустая улыбка, закрытые глаза.

Сейчас — спящая в бледном свете камеры.

Алексей.

Юрист, превращавший чужую беду в статью доходов.

Техничный. Холодный.

Теперь — с повязкой на глазах, скрючившийся на холодном полу.

Дмитрий.

Владелец сети «антистресс-товаров», что убивал людей медленно, легально, по закону спроса и предложения.

Он всё ещё пытается понять, кто его предал.

Глупо.

Олеся.

Менеджер соцпроектов, закопавшая живых людей под отчётами и красивыми цифрами.

Вечно в смартфоне.

Теперь — без сигнала, без спасения.

Виктор.

Охранник с заводского склада.

Пинавший бездомных за мусорным баком, потому что мог.

Мускулы вместо совести.

Теперь — кулак, сжатый в цепи.

Светлана.

HR-специалистка, решавшая, кому жить, а кому вылететь на улицу без шанса.

Она оправдывала всё «компанией», «политикой», «обстоятельствами».

Теперь — одна, без компании, без оправданий.

Каждого я забрал в его собственной пустоте.

На парковке — когда фары слепят глаза.

На лестнице старого дома — когда думаешь только о завтрашней встрече.

В подворотне — под музыку в наушниках.

В лифте — между этажами.

В клубе — когда мигает свет, и нет никого рядом.

На заброшенной стоянке — под сенью поломанных рекламных щитов.

Одно движение.

Один укол.

Один провал в темноту.

Теперь они здесь.

Шестеро.

Там, где воздух с трудом втискивается в лёгкие.

Там, где стены не забыли, как звучит страх.

Я смотрю на них через экраны.

Сломанные фигуры.

Смятые лица.

Пульсирующая дрожь.

Все ещё дышат.

Все ещё надеются.

Пока.

Я выключаю экран.

Слышу, как под потолком гудит вентиляция — рваным, судорожным дыханием.

Как будто сама крепость жива.
Как будто стены шепчут мне в ответ:
«Дальше.»
Я киваю.
И ухожу обратно в темноту.
Готовиться ко второму шагу.

Тишина сперва кажется спасением.
Но затем в ней начинает дрожать страх.
Один за другим они приходят в себя.
Ирина открывает глаза первой.
Секунда замешательства — и пронзительный, рваный вдох.
Она дёргается, пытаясь встать, но цепь натягивается, вгрызаясь в лодыжку.
— Где я?! — её голос срывается.
Дмитрий приподнимается, щурится на слабый свет тусклой лампы под потолком.
Олеся тихо стонет в углу, обхватив голову руками.
Виктор сразу пробует сорваться с места, бросается на дверь — тяжелая, стальная, не поддается.
— Эй! Кто тут?! Выпустите! — его крик гулко отдается в бетонных стенах.
Алексей приходит в себя последним. Его взгляд мутен. Он медленно садится, потирая шею, где остался след от укола.
Ирина бросается к нему, дрожащими руками хватается за рукав.
— Что происходит? Ты знаешь?! Что они с нами сделали?
Алексей только качает головой.
Дмитрий, опершись о стену, пробует включить холодную логику:
— Это... похищение. Кто-то... Кто-то что-то хочет от нас.
— Чушь! — рычит Виктор. — Мы должны выломать дверь. Вместе.
Он тянет за цепь, напрягается, но металл впивается в кожу.
Олеся начинает тихо всхлипывать.
— Мы умрём здесь... Никто не найдёт...
— Замолчи! — огрызается Светлана, оглядывая потолок, стены, вентиляционные решетки. — Если паника начнётся, мы сами себе могилу выкопаем.
Они спорят, перебивают друг друга, каждый на грани срыва.
Но нарастающее отчаяние пахнет так ярко, что его можно почти увидеть.
И тогда — над головами, словно разрезая тишину скальпелем, звучит голос.
Низкий. Неспешный. Спокойный.
— Добро пожаловать.
Все замирают.
— Вы не случайные люди. Вы сделали свой выбор тогда, когда закрывали глаза. Когда проходили мимо. Когда продавали чужие судьбы за свой комфорт.
Ирина замирает, присев на корточки, шепчет что-то себе под нос.
Дмитрий медленно оседает вниз, опуская голову.
Алексей прячет лицо в ладонях.
Виктор бросает взгляд вверх, в потолок, сжав кулаки так сильно, что побелели костяшки.
— Вас не выбрали. Вы выбрали сами.
Своей ложью.
Своим равнодушием.
Пауза.

На мгновение кажется, что воздух в комнате стал гуще.

— Здесь вы пройдёте испытание. Или останетесь частью фундамента этого места.

Театр открыт. Роли распределены.

Шёпот Олеси срывается в истеричный крик:

— Пожалуйста! Мы ничего такого не делали! Это ошибка! Вы должно быть ошиблись!

— Нет, — отвечает голос спокойно. — Я не ошибаюсь.

Пауза.

Пульс в ушах.

Дрожь в пальцах.

— У вас будет шанс. Но не всем он достанется.

Голос обрывается, оставляя после себя вибрацию в стенах.

Как будто само место отзывается.

Вентиляция слабо гудит, словно стонет.

Я выключаю звук на мониторах.

Откидываюсь в кресле.

Вдох. Медленный, холодный.

Это мой театр теней.

Они — актёры.

Их вина — сценарий.

А я — режиссёр.

И сцена только начинается.

Свет дрожит под потолком, отбрасывая длинные зыбкие тени.

Шестеро.

Они не сразу осознают, что остаются в этой пустоте одни.

Первой заговорила Ирина.

— Нужно думать! Нужно понять... кто нас сюда привёл!

Её голос дрожит, но в нём ещё теплится надежда.

Дмитрий встаёт, прохаживается вдоль стены, ощупывает трещины пальцами.

— Это похищение. Требование выкупа. Или эксперимент. Или... — он замолкает.

Олеся, сидя на полу, шепчет:

— Я не сделала ничего плохого... Почему я здесь?..

Виктор срывается:

— Перестаньте ныть! Нужно ломать эти цепи! Ломать стены! Не сидеть, как крысы!

Он с яростью натягивает цепь на ногу — металл звенит, но не поддаётся.

Алексей вжимается в стену, качает головой.

— Здесь... здесь всё специально. Это место... как капкан.

— Может быть, это розыгрыш... — робко говорит Светлана. — Может, скоро всё закончится...

Но никто ей не верит. Даже она сама.

Их голоса сталкиваются, как осколки в пустом ящике.

Обрывки фраз, слёзы, крики, попытки найти план, договориться, объединиться.

Но каждый взгляд — полон подозрения.

Каждое движение — судорожное.

Каждая минута — топит их глубже в липком страхе.

И когда первые попытки выломать дверь заканчиваются кровью на пальцах, когда усталость забивается в кости вместе с безысходностью — они замолкают.

Один за другим.

Только дыхание.
Только судорожные вздохи.
Только пустота.
Я наблюдаю за ними.
Не вмешиваюсь.
Пока.
Их страх уже пахнет.
Их вера уже рассыпается, как трухлявое дерево.
Я наклоняюсь к микрофону.
Мой голос звучит ровно, почти спокойно:
— Вы попытались действовать вместе. Но внутри вас — пустота. И каждый из вас это знает.

На экранах — опущенные головы.
Опухшие от слёз лица.
Сжавшиеся тела.
— Завтра начнётся ваше первое испытание.
Я не ищу вашего страха. Я ищу остатки вашей человечности.
Если они ещё остались.
Пауза.
— Помните: здесь прощение не дают. Его зарабатывают.
Щелчок.
Я выключаю звук.
Тишина вновь наполняет комнаты.
Тишина, что ест изнутри лучше любого крика.
Их отчаяние теперь — мой безмолвный концерт.
Я откидываюсь в кресле.
Первая игра начнётся завтра.
И завтра кто-то поймёт, сколько стоит прощение.

Свет вспарывает тьму, как скальпель кожу.
Резкий, белый.
Беспощадный.
Комнаты становятся обнажёнными.
Нет больше укрытий в тенях.
Есть только стены, цепи — и память.
Они вздрагивают, морщатся, прижимают ладони к глазам.
После долгих часов в сырой темноте свет обжигает как кислотой.
Я наблюдаю за ними через экраны.
Дрожащие руки.
Тусклый блеск пота на коже.
Пересохшие губы, трескающиеся при каждом движении.
Без воды.
Без пищи.
Без времени.
Они истончаются. Ломаются.
И теперь — они готовы.
Сегодня они получили первый подарок:
Микро дозу моей собственной разработки.

Не классическая сыворотка правды, не грубая наркота.
Изысканный коктейль из ослабленных нейролептиков и стимуляторов, рассчитанный на
истощённый организм.
Никакой магии. Только наука.
И только истина.
Я вижу, как эффект начинает работать.
Лампы мигают.
Стены оживают.
Проекции.
Лица.
Те, кого они предали. Оскорбили. Сломали.
Лица знакомые и забытые.
Голоса звучат прямо в их головах, подогреваемые препаратом:
«Почему ты отвернулся?»
«Ты обещала помочь...»
«Ты сказал, что всё будет хорошо...»
«Ты молчал, когда я тонул...»
Мой голос вплетается в хор памяти — ровный, холодный:
— Назовите имена.
Ирина трясётся всем телом.
Смотрит на стену.
И вдруг шепчет — глухо, сдавленно:
— Миша... Мальчик из школы... Я... Я видела...
Плечи её опускаются.
Она зарывается лицом в ладони.
Дмитрий стоит, вцепившись в свою цепь, как в спасение.
— Они бы и без меня всё равно... — шипит он. — Они сами виноваты!
Но на стене появляется мальчик.
Подросток.
Худой. Больной.
С капельницей в тонкой руке.
Но Дмитрий оседает на пол.
Олеся давит в себе крик, захлёбывается рыданиями.
— Я просто... я только закрывала отчёты... Я не знала... Я не знала...
На стенах вспыхивают лица стариков, сирот, исчезнувших в её проектах.
Алексей молчит.
Но его глаза бегают по стенам, пытаясь убежать от взгляда маленького мальчика с боль-
ничной койки.
— Страховка... Я думал, я просто бумагу подписываю... — шепчет он наконец.
Светлана стискивает зубы, трясётся, словно в лихорадке.
— Это... правила компании... Я выполняла приказы... я ничего не решала...
На стене напротив её комнаты появляется женщина с пустым, выжженным взглядом.
И наконец — Виктор.
Он плюётся в сторону камеры.
— Придурки! Это ловушка! Это подделка! Вы всё врёте!
Я нажимаю клавишу.
В его комнате вспыхивает резкий импульсный свет.
Тонкий частотный сигнал бьёт прямо в нервы.
Виктор хватается за голову, падает на колени, корчится, рычит — но больше не говорит.

Я наблюдаю.
Их лица теперь уже не защищены привычными масками.
Их дыхание тяжелее.
Их страх — сырой, настоящий.
Сегодня они впервые поняли:
Это не просто похищение.
Это суд.
И каждое имя, вырванное из них — это первый камень их собственного надгробия.
Я выключаю экран.
Тишина течёт по венам помещения.

Они просыпаются медленно.
Каждое движение даётся сквозь липкую пелену боли и пустоты.
Тело дрожит от голода, жажды, усталости.
Голова тяжёлая, как бетонная плита.
Часы без еды, воды.
Часы под действием моего раствора — разработанного специально для них.
Не яд, нет.
Истощение. Ослабление воли. Усиление истинных реакций.
Они разбиты.
Связаны друг с другом: нога к ноге, запястье к запястью.
Шестеро.
Трое мужчин. Трое женщин.
В центре комнаты мигает экран.
На нём холодными буквами:
«Убейте только одного. Выбор — ваш. Время идёт.»
Ирина — учительница, что отворачивала глаза на чужую боль.
Она смотрит на экран, дрожащими руками тянется к наручникам.
— Нет... мы... мы не должны...
Её голос срывается на шёпот.
Олеся — менеджер соцпроектов, привыкшая прятать страдания за цифрами.
Она моргает быстро-быстро, словно пытаясь стереть происходящее.
— Нужно подумать... спокойно... мы можем найти способ...
Но глаза её мечутся.
Она уже ищет не план — а выход.
Алексей — юрист, превращавший чужую беду в прибыль, — молчит.
Он ссутулился, втянул голову в плечи.
Дмитрий — торговец «антистрессом», губивший сотни под безобидной вывеской, — сидит, обхватив голову руками.
Он тяжело дышит сквозь зубы.
Виктор — бывший охранник, собравший в себе грубость и презрение, — рычит:
— Плевать. Делайте что хотите. Только тронь меня — убью.
И наконец Светлана — HR-специалистка, безучастно подписывавшая приговоры через увольнения.
Она стоит чуть поодаль.
Тихая.
Бледная.
Но в её глазах уже нет ужаса.

Только усталость.
Только выбор.
Их взгляды пересекаются.
Кто-то умоляет глазами.
Кто-то обвиняет.
Кто-то прячет взгляд.
Ирина делает слабый шаг вперёд.
— Пожалуйста... мы должны... вместе...
Олеся отводит взгляд.
Алексей опускает голову ещё ниже.
Дмитрий кривится, будто от боли.
Виктор напрягает мускулы, как зверь перед прыжком.
Светлана просто медленно кивает.
Решение принимается без слов.
Ирина чувствует его раньше, чем понимает.
— Нет... прошу...
Но время ушло.
Олеся первой хватает осколок трубы.
Светлана подходит с другой стороны.
Дмитрий и Алексей — не вмешиваются.
Виктор просто наблюдает, ухмыляясь криво.
Ирина пытается отступить, но цепи на ногах не дают ей шанса.
Олеся и Светлана действуют вместе.
Один удар.
Второй.
Третий.
Тело Ирины сминается на полу.
Её последний вздох тонет в бетоне.
Тишина.
Глухая.
Невыносимая.
Никто не говорит.
Никто не плачет.
Только тяжёлые вдохи.
Я наблюдаю через камеры.
Замедленно фиксирую:
Как Олеся отводит взгляд и стискивает руки.
Как Алексей дрожит мелкой дрожью, боясь взглянуть на то, что произошло.
Как Дмитрий сдавленно шепчет что-то себе под нос.
Как Виктор хрипло смеётся, будто победил.
Как Светлана неподвижно смотрит на упавшую Ирину — до боли долго.
Метки вонзаются под их кожу.
Горячие.
Неизгладимые.
Они сделали выбор.
Я выключаю экран.
Вентиляция над головой вздыхает рвано, как дыхание умирающего зверя.
Как будто сама крепость жива.
Как будто стены шепчут мне в ответ:

«Дальше.»
Я киваю.
И ухожу обратно в темноту.
Готовиться ко второму шагу.

Я отключаю свет.
Комнаты тонут в густой, вязкой темноте.
Не в той, что пугает глаза.
В той, что душит изнутри.
Настоящая тьма.
Без экранов.
Без голосов.
Без судьбы.
Только они.
Только их дыхание, их шорохи, их всхлипы.
И собственные мысли — самые жестокие надзиратели.
Камеры в инфракрасном режиме фиксируют каждый вздох, каждую судорогу.
Я слышу всё.
Шорох ткани о бетон.
Скрип наручников.
Глухое бормотание.
Маски падают.
Виктор — тот самый, кто рычал угрозами, — теперь свернулся в угол.
Шепчет в темноту:
— Мама... прости...
Олеся — когда-то улыбающаяся менеджер соцпроектов — царапает стены ногтями, оставляя рваные следы на коже и бетоне.
Алексей тяжело дышит. Кажется, он и сам не знает, спит ли ещё, или давно уже умер в себе.
Дмитрий молчит.
Лежит неподвижно.
Экономит остатки сил.
Но она — Светлана — двигается.
Я замечаю это первым.
Сначала тревожные взгляды.
Потом судорожные вздохи.
Она ощупывает трубы на потолке.
Находит одну — тонкую, прогнившую, но всё ещё крепкую.
Рвёт рукав.
Трещит ткань.
Пальцы неловко, дрожащими движениями, вяжут узел.
Медленно.
Отчаянно.
Я мгновенно понимаю.
Рывком встаю из-за пульта.
Двигаюсь через коридоры к ней.
Дверь скрипит, открываясь.
Я почти успеваю.

— Светлана! — сорвалось с губ, слишком громко.
Она поднимает на меня взгляд — полные слёз глаза.
И прыгает.
Шея рвётся назад.
Тело дёргается в воздухе.
Я бросаюсь вперёд, чтобы перехватить её.
Но поздно.
Ткань натягивается.
Хруст.
В этот момент что-то рвётся не только в шее Светланы — рвётся воздух, реальность, моя сцена.
Из тени бросается Виктор.
Рёв зверя.
Удар в бок.
Я падаю на пол, глухо ударяясь плечом о бетон.
Его кулаки летят вниз, к моему лицу.
Один удар. Второй.
Камеры дрожат на записях.
Но я не слушаю боль.
Я двигаюсь.
Быстро.
Холодно.
В ладони блеснуло лезвие.
Одно движение.
Виктор осекается.
Грудь его вздымается.
Руки судорожно тянутся к животу.
Кровь стекает на пол, как тень.
Он шатается, опускается на колени...
И валится набок.
Тишина.
Только капли крови по бетону.
Только верёвка, покачивающаяся в воздухе.
И мёртвое тело Светланы — ещё тёплое.
Я встаю.
Рука дрожит.
Не от боли.
От того, что я вижу в глазах оставшихся.
Алексей — не отводит взгляда. Его рот открыт, как у рыбы, выброшенной на берег.
Олеся — всхлипывает, пятится к стене.
Дмитрий — смотрит прямо в меня. Прямо в самую суть.
— Это ты... — выдавливая он, хрипло. — Всё это... ты...
— Ты убил их... — шепчет Олеся, едва слышно.
Их обвинения — как камни.
Маленькие.
Тяжёлые.
Я стою в центре этого шёпота, среди мёртвых и выживших.
И впервые за долгое время...
Я колеблюсь.

Что-то внутри даёт трещину.
Я опускаю взгляд на ладонь, где ещё теплится кровь Виктора.
И без слов, без объяснений, поворачиваюсь.
Исчезаю в темноте коридоров.
Стены шепчут мне вслед:
«Дальше...»
Но теперь я не уверен, кто именно меня зовёт.

Я иду по коридору.
Стены здесь дышат тяжело, как старик на последнем издыхании. Пыль дрожит в тусклом свете камер.

Мои шаги глухи.
Мои мысли — громче, чем когда-либо.
Кто я?
Судья? Палач? Просто ещё один сломанный человек?
Я вспоминаю детство.
Маленький городок, пахнувший перегаром и мокрой глиной.
Пьяные соседи. Крики за стеной.
Шрамы не только на теле, но и под кожей.
Вспоминаю службу.
Пыльные сапоги, выжженные деревни, трупы, на которые быстро перестаёшь смотреть, как на людей.

Тогда мне дали форму и автомат.
Тогда я впервые почувствовал, что могу судить.
Мир всегда был гнилым.
Только одни прятались за законами.
А другие — действовали.
Я действовал.
И сейчас действую.
Не потому что кто-то дал мне право.
Не потому что я особенный.
Не потому что я справедлив.
А потому что я хочу.
Потому что я — часть этой гнили.
И в отличие от них, я хотя бы не отводил глаз.
Я возвращаюсь в зал.
И сразу понимаю — что-то не так.
Алексей.
Он лежит на полу.
Тело вялое, будто выжатое досуха.
Лицо — синюшное, глаза открыты, но пусты.
Я подхожу.
Прикладываю два пальца к шее.
Нет.
Тишина под кожей.
Только холод.
Я осматриваю тело.
Следов борьбы нет.

Просто... истощение.
Слишком много наркотика в крови.
Слишком мало воды.
Слишком много страха.
И всё это — моё дело.
Мои руки.
Мои решения.
Я сделал это.
Я поднимаю глаза.
Дмитрий и Олеся смотрят на меня.
Не кричат.
Не просят.
Не умоляют.
Просто смотрят.
В их взгляде — ярость.
Тихая, холодная, тяжелая, как надгробный камень.
Я отвожу взгляд.
Впервые за долгое время — отвожу.
На полу — четыре тела.
Виктор.
Светлана.
Ирина.
Теперь — Алексей.
Четыре.
Четыре капли на счётчике моей войны.
Я стою среди них — и впервые... позволил себе дрожать.
Что-то горячее течёт по щеке.
Я не вытираю слезу.
Пусть будет.
Пусть останется здесь, в этих бетонных стенах.
Пусть сольется с их криками, их мольбами, их страхами.
Моим проклятием.
Я поворачиваюсь.
Медленно, почти старчески.
И ухожу в свою комнату.
Сквозь пустые коридоры.
Сквозь мертвую тишину.
Чтобы уснуть.
Чтобы забыться.
Чтобы завтра...
Снова встать.
Суд всё ещё продолжается.
Пока я дышу.
Пока есть те, кто не помнит цену боли.
Я не бог.
Не демон.
Не герой.
Я — их отражение.
И я не прощу.

Тяжёлое ружьё лежит в моих руках, как древняя судья, готовая расправиться с теми, кто не понимает своей вины.

Я подхватываю его.

Пальцы слегка дрожат — не от страха. От того, что наступил момент.

Они стоят передо мной, связанные, глаза горят яростью, болью, возможно, даже страхом.

Дмитрий и Олеся. Последние двое.

Олеся всё ещё хрупкая, но уже теряющая свою маску беззащитности.

Дмитрий — такой же самоуверенный, как был прежде, но теперь его лицо испещрено шрамами внутренней борьбы.

— Вы изменились? — спрашиваю я, не сводя взгляда с их глаз.

Их дыхание тяжёлое, запутанное, будто каждое слово даётся с усилием.

Олеся вздыхает.

— Мы всегда жалели... всегда. — её голос срывается, она не может сдержать дрожь. — Может, не сразу, но сейчас... я понимаю, что сделала. Я верю, что если бы мы могли вернуться... то сделали бы всё по-другому. Я сожалею...

Дмитрий не так сдержан.

— Жалеть? — смеётся он. — Да кто бы мог подумать, что все окажемся здесь. Мы просто выжили, делали, что могли, думали, что так правильно! Да, возможно, я был жаден, но это было по сути — работа. Все мы были в игре, и никто не ждал этого конца. Но теперь... — он переводит взгляд на меня. — Ты меня спрашиваешь? Ты, который... ты вообще сожалеешь?

Я стою в полном молчании. Ружьё тяжело давит в руках, но меня не отпускает его вес.

Сожалею ли я?

Мои глаза скользят по четырём телам, лежащим в углу.

Ирина, Виктор, Светлана, Алексей. Все мертвы. Все убиты моими руками.

И вот они, двое оставшихся. Олеся и Дмитрий. Мои последние кандидаты.

Сожалею ли я?

Мне бы хотелось верить, что не сожалею. Но что-то внутри меня подсказывает другое.

В голове — вспышки образов. Я помню, как стоял в этих самых стенах, среди разрушений, среди пустоты, среди всего, что они мне сделали. Память о жестокости.

Я мог бы просто сдать их всем. Отправить в тюрьму. Они бы отсидели свои. Жизнь бы пошла по иному пути, и я бы забыл об этом.

Но они мертвы.

Я бы мог понять, если бы не мои руки.

Но я не сдамся.

Я смотрю на Дмитрия.

Его взгляд полный презрения.

И я понимаю, что он ждёт ответа. Он хочет, чтобы я признался. Он хочет, чтобы я сказал, что всё это бессмысленно. Что я жалел о том, что сделал.

Но не могу.

Я не могу признать свою вину.

Не могу и не хочу.

— Нет, — говорю я. — Я не сожалею.

Тишина нарастает, как буря, как давление в груди.

Моё внутреннее «я» начинает трещать. Но я снова держу это под контролем.

Я повторяю:

— Я не сожалею.

И вдруг понимаю: выжить должен был только один. Я думал, что решение уже принято, но теперь... Я понимаю, что это был не вопрос выбора, а самопредназначение.

Мои глаза жгут. Взгляд скользит по Олее и Дмитрию.

— Единственный кандидат теперь — это я. Это всегда был я.

Тело Дмитрия начинает дрожать.

И я кладу палец на курок.

Резкий выстрел.

Олеся зажмуривает глаза, но не закрывает их.

Она, как и я, уже знает: всё потеряно.

Я стреляю.

Тело Дмитрия падает.

Олеся стоит молча.

Её глаза впиваются в меня, но она не издаёт ни звука.

Она понимает. Она уже понимает.

Но я — судья.

Я — палач.

Я стою перед ней, как перед зеркалом.

И я нажимаю курок.

Тело Олеси тоже падает на бетон, как пустая кукла.

Тишина.

Мёртвая тишина.

Я смотрю на их тела.

И не знаю, кто я. Не знаю, что делать. Не знаю, почему я — это. Почему я продолжаю это.

Но я понимаю, что больше не могу уйти.

Не могу остановиться.

Потому что что-то внутри меня требует продолжения.

Что-то требует этого.

Я стою в тени, перед последним следом.

Последний след, который мне предстоит скрыть.

Мои руки уже не дрожат. Они движутся быстро, уверенно, почти механически.

Как давно это стало привычкой?

Удалить кровь с бетона. Смыть её с их лиц. Стереть всякий след, всякую память.

Я улаживаю мелочи. Протираю камеры. Прочищаю динамики. Вытираю кровь с пола.

Последний раз.

Пустые глаза.

Пустые стены.

Я смотрю на эти тела, но они уже не значат ничего.

Они больше не живы, не виноваты, не мучаются.

Я убрал всё.

Но почему тогда мне так холодно?

Может быть, потому что всё это... не я.

Мне никогда не казалось, что я могу так поступить.

Я не мог бы так поступить.

Но это я, не так ли?

Это я всё сделал.

И всё равно — почему я это сделал?

Что было в них такого, что я решил стать их судьёй?

Не может быть, чтобы я сделал это просто так. Я был бы не способен.
Я... должен был быть способен на что-то большее. Я...

Почему?

Голос в голове становится тихим, почти шепотом.

Но его интонация — холодная. Тревожная. Это не просто вопрос.

Не просто самосуд.

Это не просто месть.

Я почувствовал, как что-то внутри меня растёт, как давно забытое чудовище. Я стал этим чудовищем.

Как я вообще дошёл до этого?

Мои пальцы касаются кожи. Чувствую, как начинают трястись. Я понимаю, что я это всё пережил. Я не могу остановиться.

Я — часть этой системы.

Этого города.

Этой тени.

Я становлюсь частью гнили.

Я покидаю комнату.

Тела, их лица, уже не мои.

Я всё убрал. Всё запечатал. Всё убрал в пустоту.

Я сажусь в машину. Завожу мотор. Вижу через лобовое стекло, как город остаётся позади.

Он мелькает. Грязный. Живой, но гниющий.

Впереди холм. Пустая дорога. Внутри — пустота. Но не та пустота, что была раньше.

Я еду туда, где могу смотреть вниз.

На город.

На тех, кто ещё не знает. На тех, кто даже не понимает, что скоро встретит меня.

Я должен продолжать.

Я знаю, что должен.

Потому что... потому что.

В конце концов, я — судья.

И я не могу остановиться.

Машина замедляется на вершине холма.

Тот же город. Те же здания. Те же люди.

Но...

Я задаюсь вопросом.

Не стал ли я теперь частью этой гнили?

Не стал ли я тем, кого я когда-то презирал?

Что я теперь делаю? За что я борюсь?

Я долго смотрю вниз.

Небо над головой мутнеет. Город — как грязное полотно.

И я знаю, что должен продолжать. Я не могу иначе.

Суд ещё не завершён.

Я еду дальше. В новый город.

Тот, кто стоит за окном

Алиса остановилась перед дверью квартиры 711. Дышала часто, порывисто — как зверь, загнанный в тупик. Коридор пах плесенью и мокрой штукатуркой; мигающие лампы наверху создавали ощущение, будто сама реальность подёрнулась рябью — и вот-вот исчезнет. Ремешок сумки натянулся под её пальцами, побелевшими от усилия.

— Последний шанс, — шепнул внутренний голос. Знакомый, упрямый, тот, что жил на дне сознания и вспоминал её слабости — промахи, бессонные вечера, вечную борьбу с невидимыми стенами, в одиночку.

Она замерла. Можно было повернуться, уйти. Раствориться в ночи, растворить себя в ней — и не узнать, что ждёт за этой дверью. Не рисковать.

Но нужда хлестнула по спине холодным кнутом.

Она постучала — три чётких удара, слишком громких в тишине.

Дверь открылась без заминки, будто за ней давно стояли, считая её вдохи. На пороге выстроились трое — мужчины в одинаково чёрных костюмах, одинаково гладких лиц, словно вылепленных из одного куска воска. Их улыбки были чрезмерны, как дешёвая реклама. И только глаза были мёртвы. Бесцветные. Как вода в стоячем пруду.

Но Алиса всё равно захотела им поверить. Потому что иначе — ничего.

— Вы Алиса? — спросил один. Его голос был вязким, как влага, сочившаяся сквозь стены в старом подвале.

Она кивнула. Один шаг — и вошла внутрь.

Прохлада ударила в лицо. Воздух был застоявшимся, будто дом затаил дыхание. В глубине коридора тлел слабый свет, шаги отдавались скрипом, похожим на сбивчивое сердцебиение. Она не знала — своё ли это сердце, или чьё-то ещё.

— Уйди, пока не поздно, — бормотал внутренний голос. Но ноги не слушались.

Комната в конце коридора была пуста, как давно забытая сцена: облупленные стены, трещины, словно паутина, кресло в центре — серое, старое, упрямо ждущее. Из мутного окна лилась ночная тьма, густая, как мазут. В углу мигала камера: красный глаз следил за каждым движением. На низком столике — часы с обратным отсчётом. 07:00:00. Замерли. Начало.

— Правила просты, — сказал второй. Его улыбка натянулась, будто кожу растянули на лице. — До рассвета ты здесь. Шторы открыты. Окно перед тобой. Но что бы ни произошло — не смотри туда. Никогда.

Алиса хмыкнула. Дрожь в голосе удалось спрятать.

— И всё? Пятьдесят тысяч просто за то, чтобы не глядеть в окно?

Третий — с чересчур тёплым взглядом — наклонил голову:

— Мы изучаем реакцию на нестандартные стрессовые условия. Всё фиксируется. Камера, звук. Ты в полной безопасности, — сказал он, и его голос был сладким, как пересахарившийся мёд, тянущимся нитью между ложкой и ложью.

Алиса опустила глаза. Вспомнила, как засыпала в чужих квартирах, когда сквозь тонкие стены пробивались шёпоты, будто что-то знало, что она одна. Вспомнила ту ночь, когда не осмелилась открыть глаза.

И выжила.

— А если посмотрю? — бросила она, с наигранной небрежностью.

Они замерли. Как манекены, которых внезапно выключили. Один шагнул ближе.

— Тогда ты проиграешь. И потеряешь приз, — сказал он без тени угрозы. Словно речь шла о чём-то ненужном. О сдаче, что осталась в автомате.

(А ещё — потеряешь кое-что важнее. Но этого они не сказали.)

Комната сжалась. Воздух стал густым, почти зримым. Пол под ногами дрогнул, как зыбкое болото. Алиса знала: страх — это дверь. Главное — не открывать её.

Они протянули папку. Бумага пахла сыростью, землёй. Когда она коснулась её, на обороте вспыхнули символы — странные, будто древние. Она моргнула — и всё исчезло. Чернила на ручке были слишком тёмными. Слишком живыми.

Она подписала.

Когда она поставила подпись, тишина изменилась.

Не просто стала глубже — обрела качество, как будто что-то древнее, долго дремавшее, проснулось от звука чернил. Бумага на мгновение стала горячей, будто поглотила её имя — не в текст, а в суть.

Один из них забрал лист с осторожностью, словно это была не бумага, а ключ.

— Добро пожаловать, — сказал он. И улыбнулся — в этот раз по-настоящему. Или так показалось.

Они не провожали её — просто разошлись в стороны, растворяясь в темноте, будто отступая с линии ответственности.

Куратор приоткрыл перед ней другую дверь — та была ниже, темнее, чем остальные, с тусклым светом где-то в глубине.

— Вперёд, — сказал он. — Комната тебя уже ждёт.

Алиса шагнула через порог.

На ней захлопнулась дверь.

Комната встретила её вязкой тишиной. Воздух был плотным, как сироп, будто сопротивлялся вдоху. Каждый шаг отдавало в теле — как будто пол следил за ней, выслушивал. Скрип половиц был слишком громким. Или ей казалось?

Она подошла ближе. Кресло в центре — выцветший бархат, упрямо держащий форму, будто само не хотело исчезать. В углу, мерцающая красным, наблюдала камера — слепой, равнодушный глаз, запоминающий всё.

На полу — часы. Обратный отсчёт. 07:00:00. Вспышка за вспышкой, и каждая — будто выстрел по внутреннему ритму. Она чувствовала: с каждой секундой здесь будет сложнее дышать.

Окно напротив было распахнуто. Шторы раздвинуты — как крылья мёртвого мотылька. За стеклом — чернота. Не ночь. Нечто плотнее. Пустота, которая смотрела обратно.

Алиса сжала зубы и глубоко вдохнула — выдувая страх вместе с воздухом, как будто можно было очиститься усилием.

Она села. Спина вдавилась в кресло. Руки — скрещены, прижаты к груди. Поза защиты. Или капитуляции.

«Они не сказали зачем». Мысль всплыла сама собой. Алиса попыталась отбросить её. Но не смогла.

Зачем им это? Почему я?

Что-то задело её кожу. Лёгкое движение воздуха — чужое, холодное, как дыхание. Или поцелуй. Она вздрогнула, резко обернулась.

Пусто.

Но на границе зрения — там, где никогда нельзя быть уверенным — мелькнула тень. Быстрая. Хищная. Слишком быстрая, чтобы поймать взглядом. Слишком близко, чтобы игнорировать.

Я затаился в её слепой зоне. В том месте, где страх растёт без формы. Без имени.

Пока ещё.

Но скоро.

Очень скоро.

Первые минуты Алиса сидела, затаив дыхание. Кресло казалось ловушкой, и любое движение — спусковым крючком. Она вслушивалась — в глухую тишину, в биение сердца, в случайные звуки, которые могли быть только в её голове.

Ничего.

Комната будто затаилась вместе с ней. Воздух становился всё плотнее. А часы отсчитывали секунды — медленно, точно, неумолимо. Их тиканье разносилось по телу, как отголоски чужого дыхания.

Алиса выдохнула, хрипло хихикнула — коротко, неестественно, как будто смех мог разрезать страх.

— Ну давай уже, «эксперимент»... Напугай меня... — пробормотала она, запрокинув голову.

Ответа не было. Воздух только стал тише.

Но я уже был рядом.

Время тянулось. Оно перестало быть цифрами на таймере — стало вязким, как мёд в ледяной воде. 23:30. Цифры на дисплее вспыхнули чуть ярче. Как будто комната дышала с ней в унисон.

И тогда — звук.

Тихий стук в стекло. Едва уловимый. Осторожный. Почти вежливый.

Алиса вздрогнула. Повернулась не сразу, а лишь краем глаза — боясь нарушить главное правило.

Не смотреть.

— Сквозняк, — прошептала она. — Наверное, створка неплотно закрыта...

Голос дрогнул. Даже самой себе она не поверила.

Пальцы судорожно сжались. В теле — дрожь, которая начиналась в животе и поднималась выше, заполняя грудь.

Я чувствовал, как в ней разгорается страх. Не паника — нечто глубже. Ощущение, что за стеклом — воля. Намерение. Чьё-то внимание, от которого не отмахнуться.

Она попыталась отвлечься — достала телефон. Экран был чёрным. Ни сигнала, ни времени. Пустота.

Реальность дала трещину.

Контракт

Что я подписала? Что именно я разрешила этим людям?

Она смотрела вперёд, вгрызаясь в собственное самообладание. Всё объяснимо. Всё логично. Это проверка. Тест. Игра.

Но время ползло.

23:40.

Три удара в стекло.

Раз.

Раз.

Раз.

Не случайно. Не ветер. Кто-то был там.

Пальцы — слышно — скреблись по стеклу, настойчиво. Будто искали слабое место. Стекло звенело, вибрировало, словно удерживая крик.

Алиса вжалась в кресло, будто могла раствориться в нём. Костяшки пальцев побелели — она вцепилась в подлокотники, чтобы не закричать. Чтобы не встать. Чтобы не повернуться.

Не смотри. Не смотри. Не смотри.

Слёзы подступили, горячие, злые. Она чувствовала, как внутри разрывается нечто: желание бежать, кричать, бороться — и страх, цепкий, животный, который шептал: ещё немного не двигайся

Я стоял за стеклом.

Там, где ночь плотнее стены.

Я ждал.

И знал: всё только начинается.

Стрелка часов пересекла полночную черту.

Комната дрогнула — словно содрогнулась от холода. По полу прокатился едва уловимый толчок. Воздух стал плотным, давящим, будто стены начали сжиматься. Алиса резко вдохнула, но в лёгкие будто хлынуло нечто старое и пыльное — тяжёлое, словно запах времени.

Свет лампы мигнул, замерцал и вымер, оставив в комнате глухую серость. Всё — тускло, расплывчато, словно мир соскользнул за тонкую плёнку сновидения.

Алиса поднялась с кресла, дрожащими руками нащупывая выключатель. Нажала — ничего. Опять. Ещё. Света не было.

Она вернулась к креслу и замерла, стараясь услышать хоть что-то, кроме собственного дыхания. Тишина снова сгустилась — не пустая, а живая. Давящая.

И тогда — звук.

Скрип. Где-то за спиной. Будто полая доска под чьим-то весом. Алиса обернулась — резко, вслепую — и никого. Только комната. Только полумрак. Только она.

Ты одна... ты одна...

Окно. Её взгляд метнулся к стеклу.

На его запотевшей поверхности начали проявляться следы. Сначала — хаотичные, будто чей-то палец лениво водил по стеклу, оставляя тонкие, расплывчатые линии. Они дрожали, как мурашки на коже.

А потом — ясно, твёрдо, выверено:

СМОТРИ.

Алиса отшатнулась, вжалась в кресло, затылком — в спинку, будто можно было оттолкнуться от реальности.

— Нет... — выдохнула она. — Я знаю правила. Я помню...

Она закрыла глаза и начала считать: раз... два... три... — но пальцы не слушались. Всё тело сжалось в узел. Стекло тем временем менялось.

В нём проступала тень.

Сначала — расплывчатая, туманная. Потом — вытягивающаяся, будто ростом не человек, а нечто большее. Тень двигалась — медленно, настойчиво — и голова её коснулась стекла. Остался жирный, мерзкий след — как след дыхания или гниющих губ.

Алиса вскочила. Сделала два шага от окна, наткнулась на стол, задела локтем край — боль вспыхнула, как искра, но была реальной. Спасительной.

Она схватила со стола чашку — пустую — и бросила в угол. Шум. Разбитая керамика. Ещё доказательство: ты здесь, ты жива, это правда.

Но и это не помогло.

В голове — звон. Дрожащая рябь на грани сознания. Она сжала ладони к вискам, прошептала:

— Это не ты. Это не ты. Это не она.

Но голос голос прозвучал за спиной — тёплый, хриплый, обволакивающий:

— Дочка мне страшно

Алиса застыла.

Это был голос матери.

Тот самый — из детства, из больничной палаты, где пахло лекарствами и тишиной. Голос, что был последним, прежде чем осталась пустота.

— Нет, — прохрипела она. — Нет. Этого быть не может...

Шаг. Будто кто-то подошёл ближе. И снова:

— Почему ты не смотришь?.. Мне холодно

Слова впивались в сердце когтями. За каждым звуком — память, тепло, любовь и невозможность.

Алиса повернулась на полшага, и тут же одёрнула себя. Уперлась взглядом в стену, словно могла расплавить её силой воли. Дышала тяжело. В груди — огонь.

Тень за стеклом дрогнула. Начала расплзаться, словно масло на воде — с каплями, нитями, языками. И всё — к ней. Руки, длинные, почти вязкие, тянулись к её лицу.

Алиса отступила назад, натолкнулась на кресло и рухнула в него, вцепившись в подлокотники.

Не смотри. Не верь. Не дай этому войти.

Я стоял рядом.

Ближе, чем казалось. Почти внутри её мыслей. Пропитывая их.

Я улыбался — не губами, а сущностью.

С каждой секундой её воля трещала, как лёд весной. С каждым вдохом она сдавалась чуть больше.

И время было на моей стороне.

Мир Алисы трещал по швам.

Часы на потрескавшейся стене тикнули дважды — коротко, хрипло, будто и сами задыхались от усталости. Стрелки застынуты на 2:00.

Комната вздрогнула.

Холод подступил не рывком, а медленно, вязко. Он полз из щелей, сочился сквозь трещины в стенах, подкрадывался по полу, как вода по тонкой ткани. Алиса натянула куртку на плечи, но ткань тут же стала мёртвой, как будто пропиталась этой сыростью — не просто физической, а чем-то иным. Будто смерть сама шептала сквозь волокна: ты здесь не хозяйка.

И тогда началось.

На запотевшем стекле, там, где раньше возникало это ужасающее «СМОТРИ», появилось движение.

Снаружи что-то царапало. Мучительно, скрежеща, как гвоздь по эмали.

Одна линия. Потом вторая — пересекающая первую. Третья — неровная, резкая, как удар когтя в ярости. Шрамы на стекле множились, превращаясь в нечто среднее между безумной вязью и паутиной — будто само стекло сопротивлялось, но проигрывало.

Алиса зажала уши руками, сжалась в кресле. Но звук не утихал — он не звучал, он жил внутри неё. Словно в груди царапали изнутри, шоркая по нервам, проникая до позвоночника.

Это как в тот раз, подумала она. Они всегда начинают с окна.

Она знала: если окно откроется — всё кончено. Всё, что по ту сторону, рвётся внутрь. Через стекло, через трещины, через глаза, если смотреть.

Нельзя смотреть.

Царапанье оборвалось.

Тишина была даже страшнее звука.

И тут — медленный скрип. Рама начала двигаться.

Сначала едва слышно. Потом — с хриплым усилием. Будто кто-то вцепился в неё изнутри, из глубины стекла, и теперь тянул раму наружу.

Холод ворвался в комнату — как запах подполья: плесень, гниль, что-то сладковато-тяжёлое, от чего хотелось зажать нос, но не было сил.

Алиса видела — в щели — движение. Фигура. Неясная, как отражение в пруду, нарушенном камнем. Воздух дрожал, и с ним дрожало тело за стеклом.

Но глаза

Глаза были чёткими. Две чёрные воронки, в которых не было света. Не было жизни. Не было конца.

Алиса вскочила. Её тело двигалось прежде, чем она успела подумать. Она бросилась к окну, вцепилась в раму — холод ударил в ладони, как раскалённый лёд. Потянула.

Но рама не поддавалась.

Будто кто-то изнутри держал её. Не руками — намерением. Воля. Чужая. Тёмная. Страшно человеческая в своей упёртости.

— Закройся... закройся, чёрт тебя...

Она рванула сильнее. Пальцы дрожали. Казалось, стекло вот-вот выдохнет — и всё рухнет.

Из щели пахнуло мёртвым.

Тошнотворная сладость костей, оставленных в сыром подвале. Гниль, что таится в старых домах и забытых снах. Этот запах был всегда, когда они пытались пробиться. Она помнила. Слишком хорошо.

И тогда — шёпот.

Хриплый. Сухой. Как если бы кору дерева поломали пальцами:

— Пусти...

Одно слово. Но оно врезалось в сознание, как заноза в мозг. Алиса вскрикнула, отпустила раму, отшатнулась — споткнулась о кресло, рухнула на пол.

Мир качнулся, словно потолок захотел стать полом. Края зрения потемнели.

Ты не должна смотреть. Нельзя. Никогда. Только так ты останешься собой.

Но она чувствовала: что-то уже внутри.

Что-то, что скользит по трещинам в её сознании, оставленным страхом, усталостью, воспоминаниями. Оно ждёт. Оно вырастает.

А я стоял по ту сторону стекла.

Всё ближе.

Почти внутри.

Каждое её поражение — новая трещина. И я входил сквозь них.

Тихо. Не торопись. Со вкусом.

Скоро. Очень скоро.

Часы на стене щёлкнули — глухо, хрипло, как последний выдох умирающего. 3:30.

Половина ночи позади. Начиналось время отчаяния.

Комната, некогда просто заброшенная, теперь казалась тяжело больной. Стены подрагивали, будто под их серой кожей что-то ворочалось. Пол стонал, как связки на пределе разрыва. Воздух был плотным, как если бы кто-то медленно вдавливал невидимую ладонь ей в грудь.

Алиса сидела в кресле, обхватив колени. Но уже не как жертва — как загнанное животное, что перестает дрожать и начинает выискивать путь к прыжку. Её глаза были широко открыты, слёзы застыли на скулах, но в зрачках теплился пульс разума. Оставшаяся часть, что ещё сопротивлялась.

И тогда я подошёл ближе.

Шаг за шагом. Беззвучно. Неуловимо.

Стекло снова ожило.

На инеистой поверхности зашевелились тени — тонкие, как щупальца, словно кто-то водил пальцем с обратной стороны, выцарапывая путь. Линии путались, исчезали, вновь возникали, и наконец, начали складываться в слово.

ПОЗДНО.

Алиса прижалась к креслу, но не зажмурилась. Нет. Она смотрела. Впервые — до конца. Как будто только увидев всё, можно было найти слабость.

— Что ты хочешь? — выдохнула она. Голос дрожал, но он был. И был её.

Слово на стекле стало жирнее, будто его вгрызали изнутри. Под ним начали появляться капли — тёмные, густые, как мазут, как застоявшаяся кровь. Они медленно стекали, оставляя на стекле борозды — не физические, а как трещины в восприятии.

Алиса вздрогнула, но не отвела взгляда. В её памяти всплыл момент — тот самый, в больничной палате, где она впервые увидела такие капли, — и как тогда всё изменилось.

Это не галлюцинация. Это вторая сторона. Она пришла за мной.

Замок на окне щёлкнул.

Тихо. Как бы между делом.

И створка тронулась.

Она не распахнулась — ползла, будто не имела права на существование в этом мире. Как если бы само пространство сопротивлялось ей, но проигрывало.

Занавески взметнулись, затрепетали, как белые крылья у марионеток без нити. Воздух хлынул в комнату — холодный, гнилой, с привкусом земли, что давно перестала быть частью живого.

Алиса вскрикнула и сжала уши, но тут же разжала руки. Встала. Колени дрожали, но она сделала шаг вперёд.

— Не боюсь, — прошептала она. Враньё. Но иногда ложь — это единственное, что можно бросить в лицо темноте.

И тогда я рассмеялся.

Но это был не смех. Это была трещина в реальности, которая пошла по стенам, полу, стеклу. Это был шёпот гнили, что пел в костях. Это был скрип досок, которые не выдержали под весом чего-то невозможного.

Смех был везде.

Он жил в её груди, словно сердце теперь билось не кровью, а холодом.

Алиса пошатнулась, схватилась за подоконник. Руки были липкими от конденсата, но она не отпускала. Она не могла позволить ему открыть окно полностью.

И вдруг — резкий толчок изнутри. Рама вздрогнула. Словно кто-то ударил по ней из другого мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.